

Никто и представить не мог, что среди рабов найдётся тот, кто сумеет превратить себя в хозяина, пользующегося всеобщей поддержкой.

«...И самое главное, запомните это навсегда».

Новички наострили уши.

«Если у вас есть что-то ценное, спрячьте подальше и ни в коем случае не показывайте молодому господину Цзи».

Новички переглянулись, не зная, что и сказать.

«Молодой господин Цзи, видать, из бедной семьи, потому и падок до всяких диковинок».

«Верно. Разве что при первой встрече удастся выпросить у него глоток вина да пару сладостей. А потом, захочешь что — всё меняй на припрятанные сокровища, иначе и крохи не получишь».

«В прошлый раз, когда хозяин досмотр затеял, я жемчужину в живот запихнул, еле спрятал. А молодой господин Цзи увидел, поговорил со мной — и я сам согласился обменять её на половинку сладкой лепёшки».

«...Интересно, сколько же он на этом заработал».

«Странное дело: с его-то внешностью никак не продать, да и хозяин на него внимания не обращает...».

Такие разговоры могли вестись только в отсутствие Цзи Саньмэя.

А он в это время лежал на полу в кухне, подбрасывая дрова в печь. Несколько женщин средних лет месили тесто и шинковали овощи, а за ними стоял хозяин в белой повязке.

Каждый раз, когда готовили еду, хозяин лично надзирал, чтобы рабы не воровали продукты и не подмешивали в пищу чего лишнего.

На плите булькала лапша, белый бульон кипел, образуя пузыри, которые лопались и снова надувались, снова и снова.

Цзи Саньмэй, подбрасывая в огонь очередную охапку хвороста, вытер пот со лба.

Пять лет назад он открыл глаза в полной тьме, чувствуя себя так, будто пробудился от долгого сна. Тело было слабым, недвижимым, даже перевернуться стоило невероятных усилий.

С трудом опустив взгляд, он с ужасом обнаружил, что стал в несколько раз меньше, с короткими руками и ногами, — самым настоящим младенцем.

В последующие дни Цзи Саньмэй осторожно выяснил, что переродился в теле раба. Мать, рабыня, умерла после родов из-за антисанитарии, отец остался неизвестен. Перед смертью мать успела передать его на попечение знакомой рабыне.

Сейчас ему было два года.

До этого момента тело было пустой оболочкой. Он не говорил, не ходил, только ел, спал и справлял нужду, как животное. Все считали его слабоумным, включая приёмную мать.

Та всё больше разочаровывалась в его бесполезности и в конце концов бросила его в дровяном сарае, надеясь, что он умрёт от голода и она наконец избавится от обузы.

Когда он был уже на грани, в этом теле пробудилось сознание Цзи Саньмэя.

Осознав, что переродился, Цзи Саньмэй отнёс все прежние воспоминания к «прошлой жизни».

Однако память о «прошлой жизни» имела пробел.

Последнее, что он помнил, — как в день своего восемнадцатилетия, в конце девятого месяца двенадцатого года эры Тяньцзя, выпил кружку крепкого выдержанного жёлтого вина. Пьянящая влага хлынула в горло, в голове зашумело, будто чья-то рука проникла сквозь череп и нежно погладила мозги. Затем сильные руки обхватили его за талию, приподняли за бёдра и прижали к груди.

Прикосновение к сокровенному не вызвало отвращения — напротив, сердце ёкнуло от нежности. Сквозь тонкую ткань Цзи Саньмэй ясно чувствовал линии ладони и шершавые мозоли.

Он запрокинул голову, напряг онемевшие от хмеля голосовые связки и слабо простонал. Ладонь на его теле вдруг стала горячее, а через мгновение крепко сжала левую ягодицу.

...На этом воспоминания обрывались.

Очнувшись, он стал маленьким рабом Цзи Саньмэем.

Иными словами, он не помнил, как умер в прошлой жизни.

Что произошло в те два года?

Цзи Саньмэй не мог вспомнить, а поскольку узнать было неоткуда, он сосредоточился на настоящем.

Он родился в рабстве, и хотя сбежать для него не составляло труда, жизнь двухлетнего ребёнка на улице таила неизвестные опасности.

Более того, он вскоре обнаружил свою особенность.

...

Когда печь разгорелась, его присутствие на кухне стало обузой.

Пока женщины хлопотали у плиты, хозяин выгнал его прочь.

В тихом, опрятном дворике журчала вода, навевая дремоту. Двое стражников в белых повязках дремали, прислонившись к стене. Цзи Саньмэй хотел вернуться в свою каморку, но та была заперта. Пришлось будить одного из стражников, чтобы тот открыл дверь.

Разбуженный стражник был зол и, лишь увидев лицо Цзи Саньмэя, тут же занёс руку для пощёчины.

Цзи Саньмэй не отступил, а лишь пристально посмотрел ему в глаза.

В тот же миг на его шее проступили густые, будто вытканые, киноварные талисманы,

подобные узоры на краях божественных одеяний. Рисунок расползся по всей левой щеке и вошёл в зрачок левого глаза.

Цзи Саньмэй тихо сказал: «Бить людей нехорошо, твоя совесть будет мучиться».

Едва он заговорил, рука стражника замерла в воздухе, а после этих слов дрогнула и опустилась.

Тот буркнул ругательство и спросил: «Чего тебе?»

Цзи Саньмэй мгновенно сменил выражение лица на заискивающее: «Пожалуйста, откройте дверь».

...Такова была его врождённая способность.

Мыслью или словом он мог изменять небольшие аспекты реальности.

Впервые он воспользовался ею в день своего пробуждения.

Тогда он заставил проходившего мимо стражника открыть дверь сарая и дать ему миску объедков и кружку воды.

Но когда он попросил отпустить его, стражник рявкнул: «Бредишь!» — и отлупил его поварёшкой.

С тех пор Цзи Саньмэй понял ограниченность своей силы.

...Он мог заставить людей сделать лишь то, что они и так могли бы сделать в здравом уме, — например, подать милостыню. Но приказать стражнику отпустить его — нет.

Кроме того, после каждого использования силы он замечал, что в городе резко возрастала концентрация энергии яо и демонов.

В Юньяне, как и в Чжуине, были последователи Дао и Будды. Адепты Дао, в свою очередь, делились на три категории: заклинатели-люди, заклинатели-демоны и заклинатели-яо. Людей и яо было больше всего, и пока одни стремились к бессмертию и вознесению, другие — всяческая нечисть — бесчинствовали в мире.

Для них, существ с духовным корнем, он был лакомым куском и живым эликсиром.

Всего одно применение силы вызвало волнение среди яо в Юньяне. Окажись он на воле — стал бы лёгкой добычей.

...Пока что самое безопасное для него — оставаться в этом рабовладельческом логове.

С этим пониманием Цзи Саньмэй успокоился и решил остаться.

До семи лет он использовал силу крайне редко. Пусть даже кратковременное её применение затрудняло яо определение его точного местонахождения, он всё равно был предельно осторожен.

Единственный раз он рискнул, когда с помощью силы заключил сделку с носильщиком за стеной.

Украденные у «белоголового петуха» (хозяина) драгоценности послужили залогом, сделав сделку разумной в глазах носильщика.

Так, с помощью этой уловки, Цзи Саньмэй накопил множество припасов и стал королём среди рабской детворы.

Даже причудливый вкус хозяина был его рук делом.

<http://bllate.org/book/16281/1466056>